

Гастроли

Беготение истин

Итак, пятнадцать незабываемых вечеров с Малым театром. Гастрольная афиша на этот раз была на редкость щедрой — русская и зарубежная классика, большая драма, бережно перенесенная на сцену, разнообразие жанров — от легкой лирической комедии до трагедии самого высокого накала. Менялись время и место сценического действия, оно перемещалось то в 1547 год, в итальянский город Геную, то на купеческий пароход, плывущий по Волге где-то в самом конце века девятнадцатого, то снова в Италию, на этот раз в Венецию, но уже в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого, двадцатого столетия, потом — за кулисы сегодняшнего московского цирка, в современную московскую квартиру, а то на соборную площадь Кремля — в тяжкую, кровавую эпоху борьбы Бориса Годунова за власть.

Мы погружались в быт и нравы купеческого Замоскворечья, затхлый, застоявшийся мир провинциального дворянского поместья, ра, увеселенный талантом великого русского драматурга А. Н. Островского, и в сложный внутренний мир допотопического русского художника, переживающего мучительный разлад с собой и с миром. Мы видели театр неслыханно экстравагантного дикого побоев, как он существует, на войне с другими театрами. И не ведь что примечательно. Казалось бы, что нам, живущим в самом конце второго тысячелетия, в наше время неслыханно, яростное время, до событий, скажем, четырехвековой давности? Что нам за дело до какого-то там графа де Ланжана или христианского цира, последнего в роде Рюриковичей?

А дело в том, что события в Генуе, интерьеры итальянского дворца, купеческого парохода или палат государя — Миссия, все это лишь антураж, не более. На спектаклях Малого театра перед нами предстают обыкновенные, равные по человеческому сердцу, глубокая правда характеров, правда обстоятельств. Мы увидели театр невероятной, активно борющийся и утверждающий идеями гуманизма, добра, справедливости, не боящийся ставить самые жуткие вопросы и отвечать на них.

Чем интересен сегодня Малый театр? Прежде всего своими ярко выраженными нравственными исканиями, истинным смыслом бытия, глубоким, обостренным вниманием к человеку, что особенно отрадно и дорого в наш измученный зарегламентированным рациональным век. Театр зорко, пристально вглядывается в своих героев, людей, которых, в жажку бы эпохи они ни жили, встает в моменты больших потрясений, истинно или на излете судьбы — необходимость нравственного выбора.

Вполне закономерно, что именно Малый театр в числе первых в стране обратился к сложному философскому роману Юрия Бондарева «Выбор», где известные вопросы — что есть жизнь и смерть, истина и правда, что есть совесть и красота — обрели силу огромного эстетического воздействия. Помните, а пролог спектакля художник Василийев (засл. арт. РСФСР В. Сафронков) пытается понять: «Почему исчезают доброта, доверие, жалость друг к другу?». Есть ли единый смысл жизни? Мы видим лишь поверхностный слой жизни... Что и кого я хочу понять? Марию? Викторию? Себя, наконец?». Как роднит эти бесконечные его вопросы, метания, сомнения, неистребимое желание

понять мир, людей и себя, разобраться в своей душе, отыскать смысл жизни — единый для всех — с горьковским Фомой Гордеевым, пытающимся отыскать луч света в темном царстве мрачной российской действительности. Может, кому-нибудь это сопоставление покажется странным. В самом деле, что может быть общего между советским художником, познавшим жизнь, славу, любовь, живущим совсем в другое время, и юным представителем купечества конца прошлого века, хозяином крупного дела? И вот так, общее, но мой взгляд, есть. Это — обостренный поиск правды, истины, смысла бытия.

Фома Гордеев, с яростным темпераментом, табуирующим смрачный миром славянской истории В. Бокеряевым, тоже пытается понять, как жить. «Где мое место? Где моя доля? Теряется ли ты душа», — есть дело — так будет от него человеку счастье? Нет, у меня тут не все сплелось. Хочет, чтобы по ней жили, дерево растет для пользы, собака — дом стареющему, все на свете можно найти справедливо! А люди — как тараканы — совсем иначе на свете. Все для них, а они для чего? В чем их оправдание?», — говорит Фома.

Он пытается понять, где правда — одна, общая для всех. Связанным купцами, обманываемым ими сумасшедшим, Фома с горечью осознает, что пропал навеки из от семьи купцов, а от своей слабости и слепоты. И не-таки, даже по-прежнему, он остается непоколебимым, потому что сумел сделать выбор, дать бы своему клану, насилию, тогда прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет! Принять «ка содеяно» — не по-чужаком. И вот умеревший князь Иван Петрович, даривший в Угличе купца на жок и захоронившего, тогда же прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет! Он разделил тяжким, горьким сознанием своей жизни с сиротливостью, тогда же прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет! Он разделил тяжким, горьким сознанием своей жизни с сиротливостью, тогда же прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет!

Образ Руси — величавой, могучей, трагичной — возникает «за кадром» и спектакля «Царь Федор Иоаннович» (постановка народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР Б. И. Равенши). Могучее многообразие эпохи колдовья имени Юрьева — это глас народа, всея Руси, переживающей одну из самых трагичных страниц своей истории.

В центре спектакля — противостояние двух лагерей — Бориса Годунова и древнего рода Шуйских. Борис Годунов в исполнении народного артиста СССР В. Коршунова — прототип государственный деятель, в какой-то степени провозвестник будущих преобразований Петра Великого. Семь лет после смерти царя Иоанна Грозного он, фактически правитель Руси, «кладя за камнем камень, с трудом великим строит... тот светский храм, ту мощную державу, ту новую разную Русь». Шуйские же стоят «за старину, за церковь, за доброе строение на Руси, как повелось от предков». Примерение между ними быть не может: «Он — яли млы».

Годунов действует напрямую, лично себя пытается довести любой ценой. Ради «красуной Руси», а скорее чтобы добиться полновластия, идет на вероломство, преступает клевету, а которую свято несут и Федор Иоаннович, и князь Иван Петрович Шуйский. Но нельзя правое дело вершить неправыми средствами. Вот

почему нынче симпатичен не на сцену Годунов.

А между ними — Борисом и Шуйским мечется царь Федор (засл. арт. РСФСР Э. Марцевич). Его трагедия в том, что, не хотая престолом, он рожден от государя, рожден бы, «что правду от неправды не отнять». Его трагедия — в невозможности совместить совесть, доброту, справедливость и власть. Принять «ка содеяно» — не по-чужаком. И вот умеревший князь Иван Петрович, даривший в Угличе купца на жок и захоронившего, тогда же прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет! Он разделил тяжким, горьким сознанием своей жизни с сиротливостью, тогда же прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет! Он разделил тяжким, горьким сознанием своей жизни с сиротливостью, тогда же прощай царь Федор, удаля от мира! В нем правды нет!

Театр, однако, отвергает роль судьбы. Он как бы приглашает нас понять, а понять, сделать шаг к сочувствию, сопереживанию, и это ему удается.

И снова центром притяжения спектакля, его эмоциональным нервом оказываются душа человека, ее метания между добром и злом, исследование — с поразительной глубиной — психологии характера и поступка. Режиссер-постановщик спектакля по пьесе Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» заслуженного деятеля искусств РСФСР Л. Хейфеца и исполнительца заглавной роли — заслуженного артиста РСФСР В. Соломина, мне кажется, прилежно возможность обогатить историю нравственного выбора человека, коему выпал жребий встать во главе заговора и освободить соотечественников. И юная Леонова (арт. Н. Вилькина), стоя перед алтарем, молит, что ее Фиеско освободит Геную от тирана.

«Фиеско, граф де Ланжана. Глаза заговора. Стройный, нормальный, красивый молодой человек. А вот, горд, но без заисковости.

Величиемю привасти. Светли любовь и столь же коварна. Эта ро-нара самого Шиллера — клон и образу.

«Первый рыцарь Генуи» свято верит в свое высокое предназначение. «Полни: твои промисы — мое значение. Я спасу для великого дела», — говорит он мему Хассе-ву (засл. арт. РСФСР А. Потылов) после неудачной попытки того по-нацизму и похвату насажденного принца Дианотти (засл. арт. РСФСР В. Конев) убить Фиеско. Но вот вроде бы неожиданно Фиеско приходит к мысли: «Генуе нужен монарх, который ее оживит. Ее нужен самодержец. Мысль художника, ведь заговор направлен против тиранов. Вот оно, искусство сокрушить тирана. Но он ко-ет, чтобы оно, его решение, исхо-дит от народа.

Нам кажется, что он уже решился, возмущен и счастлив идеалом нет. Но... приходит ве-говорщик, Фиеско сообщает, что «механизм подготовлен и действен», «республика готова к переплавке», и тогда «в канун великого дня» что-то «в-ишт судьбу Генуи, пять величавых мужей Генуи клановой скрепят свой союз. Фиеско вступает в сговор. Выход мыслей и чувств захватывает его. Актер очне убедительно, почти осязаемо показывает нам, как порой ничтожно мало расстояние между подвигом и подлостью, светом и мраком в душе человека, добром и злом. Что предложить?

Республиканец Фиеско?

Генерал Фиеско. Вот он, великий мим выбрал! Свершит переворот, освободит Геную от тирана и уйти в сторону или захватить верховную власть и самому стать диком? Но... почему сделать не так-то просто... После раздумия он твердо, как решение, про-являет: «Завоевать! Уничтожить! Обрести! Это — деяние божественное!». Он делает свой решительный выбор, который возвысил его в собственных глазах: тиран погибнет, Генуя станет свободной, Фиес-

ко же будет ее счастливейшим гражданином.

Монолог в финале второго акта представляется очень важным и для всего спектакля, и для развития образа Фиеско. На протяжении всего действия — колебания, сомнения. Или или. Побеждает благородство. Но уже в начале третьего акта, всего лишь ночь прошла, не в силах он. превозмочь! искусные, соблазн и круто меняет решение. Пытается найти оправдание, будто великая цель оправдодит и обманщина, чем больше грех, тем меньше стыд. Следует еще один монолог-раздумье Фиеско: «Повиноваться! Властвовать! Какая головокружительная пропасть! Повиноваться и властвовать! Быть и не быть!».

Почти гамлетовский вопрос, с оканчивая лишь равниной для Фиеско. В Соломина альтернативный во-прос для него не в том — «быть ли не быть?». А «быть и не быть?». Быть — значит властвовать. «Я-то-тыся, хоть на миг! Это в равнине с атом целая жизнь. Не в годах жизни — в волненьях ее: вот в чем известность бытия! Я решился!».

Что ж, Фиеско сделал свой выбор, но в его спорящих — тоже. «За все надо платить. Приходит время, и уже нет отсрочки. Никому...», — считает художник Васильев в «Выборе Бондарева. Это — выстраданная истина. Да, каждый делает свой выбор, но и за неверный выбор тоже расплачивается сам. И потому закономерно смерть Фиеско от руки Верри-ны уже после победы заговора. И потому Илья Рамкин (засл. арт. РСФСР Я. Барышев) за-качивает свою жизнь уходом, подобным Сенке.

И выстрел, который обрывает свою жизнь Александр Егорович Вапшечин, чей образ с большой трагической силой воссоздает народный артист СССР М. Черев («Дети Ванюшина» С. Найденова), — это ведь тоже плата, пусть жестокая, за то, что поклонился одному богу — рублю, что детей вырастил своими достойными примерами — воистину великими деяниями, потребностями, хищниками.

И потому выстраданное бондаревским Васильевым откры-ние — «спроси тысл смысла и выборов есть одно — великий и вечный...» — становится открытием и самого театра, и эту истину он обретает всякий раз заого, на каждом спектакле.

Пятнадцать вечеров налади-на с Малым театром. Мы увидели театр с четкой гражданской позицией, с истинно человеческой культурой, театр, в котором великолепные режиссеры, яркие, образная сцениграфия, блистательная игра актеров создают атмосферу удивительной, редкой гармонии. Своими нравственными исканиями, которыми бьется обна-женная, ранимая человеческая душа, своими мучительными поисками Правды, Истины, смысла жизни он удивительно современен, с событиями какой бы немислимой давности ни ли-цедествовали его актеры. Все это позволяет Малому театру быть и оставаться универсаль-ным жанром.

Н. ГАРИФУЛЛИНА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектак-ля «Взятие Явы». Художник — инициатор артиста СССР Я. ВЕЩНИКОВА, Галкина — заслу-женный артистка РСФСР Г. СКО-РОВАТОВА. Фото В. Выходкина.